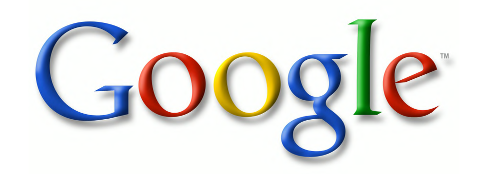

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

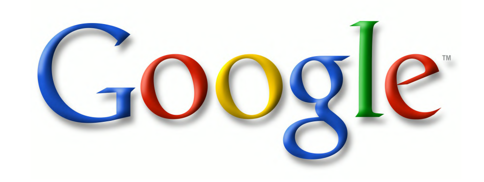
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

СОЧИНЕНІЯ

Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ФАКСИМИЛЕ АВТОРА

И

предисловіемъ Н. В. Шелгунова

Изданіе Е. А. Благосвѣтловой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Е. А. Благосвѣтловой, Надеждинская, 39
1882

ADE 7933

СОДЕРЖАНІЕ.

IV.

V.

ГРИГОРІЙ ЕВЛАМПІЕВИЧЪ

БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Личная жизнь Благосвѣтлова не будетъ служить матеріаломъ для настоящаго очерка. Не буду говорить я о Благосвѣтловѣ и отъ себя, примѣшивая къ характеристикѣ мои личныя на него воззрѣнія. У меня сохринились письма Благосвѣтлова ко мнѣ за 12 лѣтъ и они-то и будутъ моимъ главнымъ матеріаломъ. Въ этихъ письмахъ Благосвѣтловъ обрисовываетъ самъ себя настолько полно, что всякая другая характеристика едва-ли можетъ быть полнѣе. Къ Благосвѣтлову, болѣе чѣмъ къ кому-либо, слѣдуетъ примѣнить правило — „судите человѣка по его совѣсти". Иная оцѣнка Благосвѣтлова была-бы несправедливой. При оцѣнкѣ его при жизни всегда говорила только одна сторона. Теперь изъ писемъ Благосвѣтлова вы услышите другую сторону, услышите отъ самого Благосвѣтлова, какъ онъ думалъ, какъ страдалъ, какъ чувствовалъ, услышите отъ него, какъ ломала его жизнь, та самая жизнь, на борьбу съ которой онъ выступилъ гордо, смѣло и самоувѣренно, явившись борцомъ за права отдѣльной личности.

Благосвѣтловъ — чистый продуктъ 60 годовъ; онъ одинъ изъ послѣднихъ могикановъ этого времени полнаго жизни, блеска и порыва, выставившаго массу людей идейныхъ, талантливыхъ, съ характеромъ. Энергическій, твердый, настойчивый до упрямства, стремительный и въ то же время сдержанный, несламывающійся и подъ конецъ все-таки сломленный жизнію — Благосвѣтловъ яв-

ляется, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей своего времени.

Въ то время всѣ птицы пѣли одну пѣсню—пѣсню освобожденія и въ этой общей пѣснѣ фальшивыхъ нотъ не слышалось. Освобожденіе крестьянъ было, въ сущности, освобожденіемъ личности, поэтому волна крестьянскаго освобожденія захватила всѣхъ — и каждый пѣлъ пѣсню личной свободы, каждый захотѣлъ дохнуть личнымъ счастьемъ. Въ порывѣ всеобщаго воодушевленія свободой и стремленія къ независимости глупые захотѣли сдѣлаться умными, „кисейныя барышни" — работницами, дѣти—освободиться отъ власти родителей, ученики — отъ власти учителей, подчиненные — отъ власти начальниковъ, даже въ войско проникла эта „пѣснь личной свободы", такъ-что для возстановленія дисциплины потребовались чрезвычайныя мѣры.

Писаревъ явился пророкомъ молодаго поколѣнія, хотѣвшаго начать новую жизнь, и творцемъ кодекса личнаго счастья „свободной личности". Въ моментъ 60-хъ годовъ душевный составъ „свободной личности" не былъ еще ясенъ и только въ настоящее время онъ подвергнутъ анализу въ спорѣ объ интеллигенціи, народѣ и буржуазіи.

Благосвѣтловъ принадлежалъ къ группѣ людей, во главѣ которыхъ сталъ Писаревъ. Поэтому-то Писаревъ былъ возможенъ въ „Русскомъ Словѣ", которое издавалъ Благосвѣтловъ, но не нашелъ себѣ мѣста въ „Современникѣ", который редактировали Добролюбовъ и др.

Какъ представитель личнаго начала, Благосвѣтловъ высоко ставилъ значеніе личности, ея развитіе, ея права, ея свободу. Даже общее благо онъ ставилъ въ зависимость отъ личнаго счастья и возможности всесторонняго развитія личности. Въ статьѣ о значеніи университетовъ, (а статья эта писана имъ въ 1861 году), онъ говоритъ: „Отнимите у человѣка способность чувствовать необходимость соціальной связи съ другими, подобными ему, существами, и онъ обратился-бы въ жалкаго одиночнаго скота; но, чтобы пробудить въ немъ эту способность, недостаточно собрать огромную кучу людей въ одну гражданскую сферу, заставить ихъ говорить однимъ языкомъ, вѣрить одной вѣрой, считать своимъ отечествомъ Францію, или Турцію,—нѣтъ, этого мало; такими свойствами можетъ отличаться всякая полукочевая орда, не имѣющая прочной общественной связи. Въ основаніи соціальныхъ инстинктовъ лежитъ глубокое сознаніе того или другаго принципа, равно

полезнаго всѣмъ, такъ-что каждый индивидуумъ стремится къ нему настолько, насколько сознаетъ его выгоду и чувствуетъ себя безопаснымъ и свободнымъ подъ этой защитой. Безъ этого чувства нѣтъ побужденія къ ассоціаціи и нѣтъ надобности стѣснять свою личную волю. *Идти врозь, но независимо, гораздо удобнѣе, чѣмъ напрасно давить себя въ табунѣ*".

Разбирая ученіе Овэна о значеніе личности, Благосвѣтловъ высказываетъ слѣдующее: „Такимъ образомъ, представить себѣ человѣка, не руководимаго личнымъ эгоизмомъ во всѣхъ его намѣреніяхъ и поступкахъ, то же самое, что представить себѣ живое существо, способное дышать безъ воздуха. Безсознательно и инстинктивно шло человѣчество къ осуществленію этого величайшаго принципа".

Личное чувство было развито въ Благосвѣтловѣ, пожалуй, даже сильнѣе, чѣмъ въ Писаревѣ. Впрочемъ, не дѣлая сравненій, можно сказать, что Благосвѣтловъ и Писаревъ, явившись представителями идеи личности, были достаточно послѣдовательны, чтобы не дать повода упрекнуть себя въ противорѣчіяхъ.

Приведу одинъ очень характерный фактъ.

Въ іюнѣ 1867 года, я получилъ отъ Писарева письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Теперь я пишу къ вамъ, чтобы сообщить вамъ извѣстіе, которое, по всей вѣроятности, будетъ вамъ очень непріятно и, можетъ быть, значительно уронитъ меня въ вашихъ глазахъ. Я разошелся съ тѣмъ журналомъ, въ которомъ мы съ вами работали, и, долженъ вамъ признаться, что разошелся не изъ-за принциповъ, и даже не изъ-за денегъ, а просто изъ-за личныхъ неудовольствій съ Г. Е. Онъ поступилъ невѣжливо съ одною изъ моихъ родственницъ, отказался извиниться, когда я этого потребовалъ отъ него, и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что, если отношенія мои къ журналу могутъ поколебаться отъ каждой мелочи, то этими отношеніями нечего и дорожить. У меня уже заранѣе было рѣшено, что если Г. Е. не извинится, я покончу съ нимъ всякія отношенія. Когда я увидѣлъ изъ его словъ, что онъ считаетъ себя за олицетвореніе журнала, и смотритъ на своихъ главныхъ сотрудниковъ, какъ на наемныхъ работниковъ, которыхъ въ одну минуту можно замѣнить новымъ комплектомъ поденщиковъ, тогда я немедленно раскланялся съ нимъ, принявши мѣры къ обезпеченію того долга, который остался на мнѣ. Эта исторія произошла въ послѣднихъ числахъ мая. Такъ какъ я не имѣю возможности содержать въ Петербургѣ цѣлое семейство, то моя

мать и младшая сестра въ началѣ іюня уѣхали въ деревню, а я остался; ищу себѣ переводной работы и веду студенческую жизнь. Теперешній адресъ мой: На Малой Таврической, д. № 23, кв. № 2. Вы, можетъ быть, скажете, Николай Васильевичъ, что изъ любви къ идеѣ мнѣ слѣдовало бы уступить и уклониться отъ разрыва. Можетъ быть, это дѣйствительно было бы болѣе достойно серьезнаго общественнаго дѣятеля. Но я признаюсь вамъ, что я на это не способенъ. Я рѣшительно не могу, да и не хочу сдѣлаться настолько рабомъ какой бы то ни было идеи, чтобы отказаться для нея отъ своихъ личныхъ интересовъ, желаній и страстей. Я глубокій эгоистъ не только по убѣжденію, но и по природѣ".

Не помню, что я писалъ Благосвѣтлову, но вотъ его отвѣтъ: „Вы пишете мнѣ, чтобъ я подалъ ему первый руку примиренія; я охотно и даже съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это, но я пересталъ его уважать... Не знаю, въ какомъ видѣ передана вамъ наша размолвка... Дѣло было такъ: я поставилъ въ объявленіи между извѣстными вамъ лицами имя М. В.,—поставилъ на томъ основаніи, что она участвовала въ „Русскомъ Словѣ" и изъявила желаніе участвовать въ „Дѣлѣ". Кажется, въ этомъ вины еще нѣтъ особенной. На это воспослѣдовалъ вопросъ г-жи..., какимъ образомъ редакція смѣетъ распоряжаться ея именемъ. Отвѣтилъ я, что вѣдь сама же она упрашивала редакцію дать ей работу въ „Дѣлѣ", прибавивъ при этомъ, что „Дѣло" опредѣляется только тремя именами. Затѣмъ явился Писаревъ и потребовалъ отъ меня, чтобъ я ѣхалъ къ М. В. извиняться, или онъ оставитъ журналъ. Такимъ отношеніемъ къ органу, успѣхомъ котораго больше всѣхъ слѣдовало бы дорожить именно Писареву, такой взглядъ на свою общественную дѣятельность, мнѣ показался до такой степени мелкимъ и узкимъ, что я разомъ почувствовалъ всю гадость современнаго русскаго человѣка. Извиниться не бѣда, даже въ томъ, въ чемъ не чувствуешь никакой вины, но я вѣдь знаю дворянскія замашки моего пріятеля... Пошлякъ я былъ бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, еслибъ позволилъ хотя одинъ шагъ сдѣлать ради такихъ отношеній. Я завтра же могу оставить свою общественную дѣятельность, я не боюсь бѣдности и въ этомъ моя большая сила, но не могу унизиться до пошлости"...

Подъ вліяніемъ того же негодующаго чувства Благосвѣтловъ писалъ мнѣ 10 іюля: „Печальная новость! Писаревъ утонулъ, т. е. утопился въ душевно-разстроенномъ состояніи. Великая потеря,

если бы Писаревъ сдѣлался прежнимъ Писаревымъ; но если нѣтъ,— то слава Богу. Онъ умеръ уже давно, какъ умственный дѣятель, т. е. умеръ въ концѣ прошлаго года. Я знаю, что эта скверная новость непріятно отзовется въ вашемъ сердцѣ, какъ она отозвалась въ моемъ. Но будемъ вѣрить, что люди умираютъ, а идеи, честныя и хорошія идеи, живутъ. Ужасно жалко Писарева!"

Но вотъ тѣло Писарева привезено въ Петербургъ и послѣ похоронъ Благосвѣтловъ мнѣ пишетъ: „Сегодня похоронили Писарева. Свинцовый гробъ его, около сорока пудовъ, несли до самой могилы верстъ пять молодые люди и даже молодыя дамы помогали. Человѣкъ двѣсти шло за гробомъ и я радовался, что кружокъ умныхъ и честныхъ людей понемногу ростетъ. При похоронахъ Добролюбова, несмотря на то, что они были въ ноябрѣ, т. е. при полномъ сборѣ людей, понимающихъ его, я видѣлъ не болѣе 50 человѣкъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною надъ могилой Писарева, двѣ дамы, заливаясь слезами, бросились на его могилу и стали цѣловать ее. Я дольше не могъ говорить и самъ заплакалъ". „Сочувствіе къ покойному,— пишетъ мнѣ Благосвѣтловъ въ другомъ письмѣ,—выразилось въ такомъ задушевномъ сожалѣніи, что на похоронахъ Добролюбова, котораго гробъ и я несъ, не было и половины той искренней горести, какую я тутъ видѣлъ. Вершками и крупицами, но подростаетъ доброе и честное поколѣніе. Это фактъ. Когда я надъ гробомъ Писарева сказалъ, что въ казематѣ, среди смрадныхъ стѣнъ крѣпости, въ безвыходномъ уединеніи, онъ проповѣдывалъ свою честную идею, что онъ шелъ прямо, не оглядываясь ни назадъ, ни впередъ, къ своей цѣли, — все, что было на могилѣ, заплакало навзрыдъ... Не Писаревъ нуженъ мнѣ былъ въ эту минуту, а его дѣятельность, его мысль, и это было понято многими. Схоронили его близь Добролюбова и Бѣлинскаго; подписка была открыта въ память его для стипендіи, а не памятника — и это гораздо лучше всякаго мавзолея. И безъ памятника не потеряется его могила, а это все, что и нужно. Собрано было на могилѣ рублей 700 и, авось, цифра достигнетъ того итога, какой нуженъ хоть для уплаты двухъ матрикулъ двумъ бѣднымъ студентамъ".

Разрывъ съ Писаревымъ не обошелся Благосвѣтлову легко; впослѣдствіи ему не разъ случалось разрывать съ людьми, но этотъ первый ударъ былъ для него слишкомъ силенъ и неожиданъ, и еще долго отзывался болью въ его душѣ и вызывалъ горькое чувство. Почти черезъ годъ послѣ смерти Писарева, Благосвѣтловъ

писалъ мнѣ: „Многое вы узнаете отъ Л. П. и, вѣроятно, согласитесь съ тѣмъ, что причина разъединенія лежитъ не во мнѣ, а въ духѣ времени, въ томъ болѣзненномъ настроеніи общества, которое всегда предшествовало большимъ его кризисамъ. Прежде, чѣмъ разыгрываются великія страсти, долго борются и кипятъ мелкія; прежде, чѣмъ общественныя интересы выступаютъ на сцену, личные управляютъ всѣмъ. Я въ этомъ вижу ту отвратительную кашу, которая происходитъ въ нашей журналистикѣ. И Писаревъ утонулъ въ этой кашѣ, и З. обкушался ею. Я подалъ бы всегда руку примиренія своему злѣйшему врагу ради общаго хорошаго дѣла, но безполезно. Достаточно какой нибудь сплетни, чтобы опять разъединить и поссорить. Плохо наше молодое поколѣніе, но вѣдь гнилое сѣмя предшествуетъ здоровому и свѣжему ростку. Грустно было читать въ вашихъ письмахъ сомнѣнія насчетъ „Дѣла“. Умерло не оно, а его молодая и вымершая часть. Ничего дурнаго я не вижу въ этомъ. И пусть мертвое умираетъ. Это только заставляетъ насъ употребить побольше энергіи и дѣятельности. Пока не перебродитъ новое вино, мѣхи должны быть сохранены. И я рѣшился до послѣдняго издыханія оставаться на своей бреши; по крайней мѣрѣ, я послѣдній упаду. Прошу васъ объ одномъ:—помочь мнѣ и поддержать меня. Время раскроетъ многое и оправдаетъ многое“.

Долго не успокоивалось горькое чувство въ Благосвѣтловѣ, долго сочилась его душевная рана и всякій разъ, какъ онъ чувствовалъ боль, онъ на нее жаловался. „Мы переживаемъ время,—писалъ онъ въ августѣ 1867 года: — когда люди, какъ металлъ, пробуются на двойномъ огнѣ. Если выдержатъ пробу, значитъ всегда будутъ хороши, а не выдержатъ — чортъ съ ними, значитъ дрянь. А сколько ихъ, выдержавшихъ эту пробу? И гдѣ они, эти выдержавшіе? Ихъ нѣтъ съ нами, и вотъ почему въ нашемъ крошечномъ, микроскопическомъ кружкѣ должны быть возстановлены самыя искреннія и чистыя отношенія. Мы не должны щадить другъ друга, если этого требуетъ взаимная польза и общее дѣло“.

Съ именемъ Писарева у Благосвѣтлова были связаны самыя свѣтлыя и дорогія воспоминанія. „У меня не было на землѣ лучшихъ нравственныхъ симпатій, какъ къ нему (Писареву),—писалъ Благосвѣтловъ въ 1870 году: — и ужь я-то, стоявшій такъ близко къ самому процессу этого хрустальнаго ума, могъ понимать и цѣнить эту силу“... Въ томъ же году Благосвѣтловъ задумалъ писать воспоминанія о Писаревѣ и, сообщая мнѣ объ

этомъ, говоритъ: „Это исторія всего поколѣнія Писарева, изъ котораго онъ былъ лучшій. Жалко, что придется многаго не договорить... да и жизнь-то его была арестантская, съ которой трудно справиться въ литературномъ очеркѣ. А личность его, какъ умственнаго дѣятеля, вся въ борьбѣ и преданности своему дѣлу. О, какъ онъ былъ выше всей этой заносчивой дряни, которая его щипала!“

Благосвѣтлову приходилось разрывать со многими людьми, но разрывъ съ Писаревымъ, былъ для него самымъ тяжелымъ разрывомъ. Ему было больно, обидно и досадно, что вся эта исторія разыгралась такимъ образомъ, но уступки онъ сдѣлать былъ не въ состояніи: это было не въ его характерѣ. Затѣмъ одна за другою наносились новыя раны его гордому чувству, его вѣрѣ въ свои собственныя силы и его руководящій принципъ не выдержалъ этой пробы на „двойномъ огнѣ“. Благосвѣтловъ замыкался все больше и больше и все сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ свое одиночество.

Случай въ жизни русскаго литератора играетъ чуть ли не главную роль. Всѣ мы готовимся къ чему-то другому, а литераторами дѣлаемся случайно. То же повторилось и съ Благосвѣтловымъ.

Г. Е. Благосвѣтловъ былъ сыномъ полковаго священника и родился въ Ставрополѣ кавказскомъ въ 1824 г. Окончивъ курсъ въ духовномъ училищѣ, онъ поступилъ въ саратовскую семинарію, а по окончаніи семинаріи перешелъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію и затѣмъ въ с.-петербургскій университетъ по юридическому факультету. Такимъ образомъ, онъ готовился вовсе не для литературной дороги.

Окончивъ курсъ въ университетѣ, Благосвѣтловъ поступилъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныя заведенія. Здѣсь онъ скоро привлекъ къ себѣ симпатіи учениковъ и, какъ способный учитель, обратилъ на себя вниманіе начальника штаба военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева. Не смотря на все это, преподавательская карьера скоро ускользнула изъ-подъ ногъ Благосвѣтлова.

Наступилъ 1855 годъ и памятное 18 февраля. Благосвѣтловъ былъ въ это время учителемъ въ Пажескомъ корпусѣ. На одномъ изъ уроковъ, Благосвѣтловъ задалъ ученикамъ написать сочиненіе, предоставивъ выборъ темъ имъ самимъ. Одинъ изъ пажей С. написалъ похвальное слово умершему императору и, конечно, былъ не въ состояніи справиться съ такою широкою и трудною темой. Благосвѣтловъ это ему замѣтилъ, а пажъ понялъ замѣчаніе иначе и, неизвѣстно, въ какомъ видѣ онъ передалъ всю эту исторію

дядѣ своему генералу Дуббельту, завѣдывавшему III-мъ отдѣленіемъ, — но въ концѣ концовъ Благосвѣтлову предложили оставить занятія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ, онъ скоро нашелъ себѣ подобные же уроки въ Павловскомъ институтѣ, состоявшемъ подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. Инспекторомъ института былъ въ то время Е. А. П—ъ, человѣкъ всесторонне образованный, которымъ Елена Павловна очень дорожила. П—ъ очень поддерживалъ Благосвѣтлова, но и здѣсь вліяніе генерала Дуббельта оказалось сильнѣе и Благосвѣтловъ долженъ былъ оставить и это мѣсто. Тогда онъ сталъ проситься за границу и, получивъ разрѣшеніе, уѣхалъ въ 1857 г. въ Англію. Здѣсь онъ сблизился съ Герценомъ и училъ его дѣтей, затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ и слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ. Къ этому же періоду относится и знакомство Благосвѣтлова съ графомъ Кушелевымъ, тогдашнимъ издателемъ „Русскаго Слова".

Въ это же время жилъ въ Парижѣ Я. П. Полонскій, приглашенный Кушелевымъ редактировать „Русское Слово", и набиралъ сотрудниковъ. Кто-то сказалъ Полонскому, что въ Латинскомъ кварталѣ живетъ очень способный молодой человѣкъ и что у него есть готовая, хорошая статья. Я. П. отправился въ Латинскій кварталъ и въ одной изъ бѣдныхъ мансардъ нашелъ молодаго человѣка, который произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе, а у молодого человѣка дѣйствительно оказалась готовая статья. Этимъ молодымъ человѣкомъ былъ Благосвѣтловъ, а статьею— „Значеніе Парижскаго Университета". Статья была напечатана въ „Русскомъ Словѣ", въ январьской книжкѣ 1859 года. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи Благосвѣтлова, Кушелевъ сейчасъ же прислалъ ему чекъ на 1,000 франковъ.

Я. П. Полонскій редактировалъ „Русское Слово" не долго. Послѣ него редакція перешла къ А. Хмѣльницкому, человѣку совершенно неспособному вести порядочный журналъ. Въ то время какъ подъ вліяніемъ идеи „освобожденія" каждый жилъ и просилъ жизни, А. Хмѣльницкій вмѣсто руководящихъ статей выпускалъ книжки листовъ въ пятьдесятъ, наполненныя скучнѣйшими статьями по спеціальнымъ вопросамъ, или изслѣдованіями объ историческихъ памятникахъ. Такой редакторъ, конечно, не могъ удержаться и гр. Кушелевъ пригласилъ Благосвѣтлова. Это было въ половинѣ 1860 года.

Въ томъ же 1860 году Писаревъ принесъ въ „Русское Слово" свою первую статью и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала.

„Русское Слово“ редакціи Благосвѣтлова не сразу выступило во всеоружіи, какъ Минерва, оно получило опредѣленную физіономію и обнаружило свое вліяніе постепенно и гораздо позже.

Благосвѣтловъ, какъ крайній западникъ, получившій свое политическое крещеніе въ Англіи и во Франціи, думалъ сначала проводить политическія и историческія идеи и знакомить читателей съ главными поворотными событіями въ исторіи Франціи. Но русскіе „жгучіе“ вопросы не позволили журналу удержаться на подобной программѣ. Новые сотрудники внесли новыя стремленія, а затѣмъ Писаревъ, выступившій съ своей неотразимой діалектикой и всепобѣждающей аргументаціей, деспотически овладѣлъ умами молодежи, частью разрушая старое и ниспровергая авторитеты и заблужденія, а частію указывая на спасительный выходъ въ реализмѣ и естествознаніи. Писаревъ не могъ не испугать общественнаго мнѣнія своею рѣзкостью и вотъ „Русскому Слову“, вмѣстѣ съ „Современникомъ“ были приписаны послѣдствія, въ которыхъ они однако были неповинны. Послѣ пожара Щукина двора въ 1862 году „Русское Слово“ и „Современникъ“ были пріостановлены на полгода. Вслѣдъ за этой остановкой гр. Кушелеву посовѣтовали оставить изданіе журнала, его компрометирующаго, и Кушелевъ передалъ Благосвѣтлову свои издательскія права.

Я очень жалѣю, что не сохранилъ переписки съ Благосвѣтловымъ съ 1864 по 1866 годъ. Послѣ 4 апрѣля 1866 года я его письма сжегъ. Въ нихъ были очень интересныя данныя о „Русскомъ Словѣ“ и его внутренней жизни въ его лучшую и кипучую пору и, слѣдовательно, о наиболѣе свѣтломъ періодѣ редакторской дѣятельности Благосвѣтлова.

Въ 1866 году „Русское Слово“ было запрещено по Высочайшему повелѣнію на второй январьской книжкѣ. Чтобы удовлетворить подписчиковъ, Благосвѣтловъ задумалъ издать сборникъ „Лучъ“. Первый томъ „Луча“ выпустить Благосвѣтлову удалось, а второй былъ остановленъ и подлежалъ преданію суду, но суду преданъ не былъ. Конечно, судъ не нашелъ бы въ немъ ничего противузаконнаго. Благосвѣтловъ писалъ мнѣ, что содержаніе втораго тома было такъ тщательно пересмотрѣно, „что сама цензура не знала, къ чему привязаться“, но „Лучъ“ задержали за то, что въ немъ оказались тѣ же сотрудники, которые были и въ „Русскомъ Словѣ“. „По этому одному вы можете судить,—пишетъ Благосвѣтловъ,—какъ душно въ нашемъ воздухѣ, хотя теперь и въ половину сдѣлалось легче, чѣмъ за два мѣсяца прежде. Что бу-

детъ дальше съ литературой, — никто не знаетъ, но теперь такъ тяжело, что я не помню хуже времени".

Разбирая причины этого тяжелаго состоянія журналистики, Благосвѣтловъ замѣчаетъ: „Какъ прежде, такъ и теперь скажу, что мы сами виноваты во многомъ, лишивъ общество честныхъ органовъ нашей печати. Оптимизмъ завелъ насъ слишкомъ далеко, надо мѣрить наше общество его собственнымъ аршиномъ; это великій и глупый bambino, которому еще не подъ силу свѣтлыя и честныя идеи. Bambino требуетъ рѣпы и чесноку, а ему подносятъ разныя тропическія пряности".

Вотъ съ этой-то поправкой Благосвѣтловъ и задумалъ вмѣсто „Русскаго Слова" создать журналъ „Дѣло". Въ іюнѣ 1866 года Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: „Теперь я размышляю о томъ, какъ бы удовлетворить подписчиковъ „Русскаго Слова". Лучшимъ средствомъ удовлетворенія я считаю сойдтись съ новымъ журналомъ „Дѣло", и сойдтись такъ, чтобы оно издавалось на прежнихъ основаніяхъ „Русскаго Слова". Еще не окончены мои условія по этому соглашенію, но я думаю, что мы всѣ устроимся въ этомъ журналѣ со временемъ. Я напишу вамъ подробно, когда кончится дѣло". Въ случаѣ если-бы „соглашеніе" съ „Дѣломъ" неудалось, Благосвѣтловъ предлагалъ мнѣ вступить съ нимъ и Писаревымъ „въ товарищество по изданію книгъ".

Но „соглашеніе" состоялось и черезъ двѣ недѣли Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: „Спѣшу извѣстить васъ, что открывается ежемѣсячный журналъ „Дѣло", который вполнѣ замѣнитъ „Русское Слово". Въ первыхъ числахъ августа обѣщали выпустить первую книжку".

„Дѣло", писалъ Благосвѣтловъ,—журналъ подцензурный и, слѣдовательно, прочный. Впослѣдствіи я объясню вамъ долю моего участія въ этомъ изданіи, а теперь могу поручиться, что журналъ будетъ честный, хотя и безцвѣтный на первое время. Чтобы не подвергнуть „Дѣло" мелкимъ подозрѣніямъ со стороны его солидарности съ „Русскимъ Словомъ", я совѣтую редактору дать журналу серьезный характеръ, отзывающійся наукой, но безъ всякихъ неудобоваримостей, а солидный и честный органъ. Все дѣло у насъ въ формѣ; ни одной рѣзкой выходки, ни одного рѣзкаго порадокса, и „Дѣло" пойдетъ въ люди. „Дѣлу" пока достаточно быть не глупымъ журналомъ, а умнымъ оно всегда успѣетъ быть. Обстоятельства такъ круты, что надо волей-неволей сообразоваться съ ними. Рескриптъ опредѣлилъ наше журнальное положеніе по край-

ней мѣрѣ на полгода. Время сотретъ рѣзкія черты подозрѣній и оправдаетъ литературу отъ тѣхъ нареканій, которымъ она подвергалась—въ этомъ я глубоко убѣжденъ, но пока рекомендую вамъ, ради сохраненія честной мысли, полнѣйшую осторожность. Теперь все выдается за соціализмъ. Хотя „Дѣло" и подцензурный журналъ, но вѣдь вы знаете, что цензура не спасаетъ отъ преслѣдованій. Будьте хитры, какъ змій, и невинны, какъ голубь; это послѣднее наше испытаніе и намъ нужно перенести его твердо и благоразумно. Хлопотъ у меня бездна и я измученъ, какъ собака, или, говоря изящнѣе, какъ матросъ, выброшенный въ открытое море послѣ крушенія корабля".

Этотъ періодъ былъ самый трудный въ жизни Благосвѣтлова, а по нѣкоторымъ послѣдствіямъ даже роковой. Скопилась цѣлая масса самыхъ тяжелыхъ и непредвидѣнныхъ случайностей, которыя нужно было устранить, преодолѣть, примирить. Къ довершенію всего Благосвѣтловъ по политическому подозрѣнію былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость. Заключеніе, правда, продолжалось недѣли три, но тѣмъ не менѣе Благосвѣтловъ имѣлъ полное основаніе сравнивать свое положеніе съ положеніемъ матроса, у котораго пробили въ лодкѣ дно. „Вода течетъ, лодка опускается ко дну и мнѣ,—пишетъ Благосвѣтловъ—приходится въ одно и то же время затыкать дыру и выливать воду. Эта аллегорія переводится на простой языкъ такъ: мнѣ закрыли журналъ, велѣли закрыть книжный магазинъ и передать типографію лицу благонадежному"... „Повѣрите ли,—говоритъ дальше Благосвѣтловъ:—что я на свободѣ чувствую себя не лучше крѣпости. Скверные нервы не даютъ ни минуты покоя, потому-что каждый день несетъ новыя тяжелыя впечатлѣнія. Удивляешься, что за каменная природа человѣкъ; кажется, давно пора бы лопнуть хилому механизму жизни, анъ нѣтъ — онъ стоитъ и жаждетъ не покоя, а дѣятельности. Но дѣятельность-то становится не подъ силу; ужь слишкомъ много навалило хлопотъ и непріятностей. Одна мораль—если родишься въ Россіи и сунешься на писательское поприще съ честными желаніями, — проси мать слѣпить тебя изъ гранита и чугуна. Мать моя озаботилась въ этомъ отношеніи. Спасибо ей, родимой!"

Въ каждомъ письмѣ Благосвѣтловъ сообщалъ что нибудь новое о препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя ему приходилось преодолѣвать. Только въ цѣлой своей совокупности онѣ даютъ понятіе о той борьбѣ, которую онъ выносилъ. Можетъ быть, по сво-

ему впечатлительному характеру Благосвѣтловъ бралъ все глубже и больнѣе, но вѣдь я пишу о Благосвѣтловѣ и, слѣдовательно, долженъ говорить, какъ чувствовалъ онъ, а не кто-нибудь другой.

Первая книжка „Дѣла“ должна была выйти 20-го августа, а между тѣмъ она не могла появиться ранѣе начала сентября; это очень тревожило и раздражало Благосвѣтлова. До 4-го сентября было набрано 48 листовъ и изъ нихъ 22 запрещено; еще больше безпокоило его, что ему не позволяли объявить, что „Дѣломъ“ будутъ удовлетворены подписчики запрещеннаго „Русскаго Слова“. Въ то же время было замѣчено редактору, что „Дѣло“ можетъ отправиться по слѣдамъ „Русскаго Слова“ въ вѣчность. „Это было сказано не въ видѣ угрозы,—пишетъ Благосвѣтловъ,— а факта, который нужно было отвести всевозможными усиліями; все это, разумѣется, достается кровью всѣмъ намъ, но что же дѣлать“.

Все это ужасно утомляло Благосвѣтлова; подчасъ у него совсѣмъ опускались руки и въ такія минуты онъ писалъ: „Долженъ вамъ откровенно сказать, что я усталъ до истощенія силъ; чувствую, что еще хватитъ головы и энергіи, чтобы бороться, но что это за борьба?.. Борьба глухая и пассивная, вы не видите ни врага, ни оружія... жизнь уходитъ на мелкія состязанія, а результата никакого“... И въ томъ же письмѣ онъ продолжаетъ, что бросить дѣло нельзя, но что нужно искать средствъ „идти не лбомъ противъ стѣны“, онъ совѣтуетъ „удалиться пока въ тихую область исторіи и естественныхъ наукъ, а политическихъ и экономическихъ вопросовъ пока не трогать. Полунамеки и намеки не по силамъ нашей публикѣ и потому все, что по серьезнѣе, должно быть припрятано на черный день... Вотъ мое мнѣніе, почерпнутое изъ 22 листовъ, совершенно запрещенныхъ для первой книжки „Дѣла“,—пишетъ Благосвѣтловъ.

Причину строгихъ отношеній къ „Дѣлу“ Благосвѣтловъ объяснялъ тѣмъ, что подозрѣвали въ новомъ журналѣ участіе прежнихъ сотрудниковъ „Русскаго Слова“. Чтобы замаскировать это участіе, которому, впрочемъ, едва ли придавали такое значеніе, Благосвѣтловъ проситъ меня мои письма лично къ нему посылать по одному адресу, а рукописи и письма по дѣламъ журнала—въ главную контору „Дѣла“. Благосвѣтлову даже казалось, что ему грозитъ высылка изъ Петербурга, и онъ постоянно находился въ томительномъ, лихорадочномъ состояніи, пока ему, наконецъ, не удалось убѣдиться, что задуманный имъ журналъ укрѣ-

пился и можетъ имѣть будущее. Въ одномъ изъ подобныхъ состояній, онъ, въ концѣ ноября 1866 г., мнѣ писалъ: „Вотъ ужь пятнадцатую ночь, какъ я не сплю нормальнымъ человѣческимъ сномъ; забудусь и проснусь. Напряженіе нервовъ доходитъ до изумительной тонкости. Припоминая прошлое, я вижу его въ образахъ до мельчайшихъ подробностей; соображая будущее, я предугадывалъ, что будетъ завтра и послѣ-завтра. Малѣйшая непріятность, грозящая въ будущемъ, чувствуется мной заранѣе. Одеревенѣлость людей, которыхъ я вижу, та счастливая одеревенѣлость, которая блаженствуетъ, если сыта и самодовольна, раздражаетъ меня, какъ самый сильный наркотикъ. Думается много, ужасно много, но эти тяжелыя мысли, какъ безплодный грузъ, ложатся камнемъ на мозгъ и на всю нервную механику. И за всѣмъ тѣмъ, это состояніе нельзя назвать болѣзненнымъ. Энергія и силы чувствуются въ здоровомъ состояніи. Но объ этомъ не стоило бы и говорить, если-бы это было только мое личное настроеніе. Нѣтъ, я вижу и другихъ въ такомъ же положеніи. Я убѣжденъ, что это общій органическій переломъ эпохи, болѣе или менѣе отражающійся на всемъ чувствующемъ. Я вижу изъ вашего послѣдующаго письма, что и вы раздражены, что и вы не спокойны. Отчего это? Отчего тысячи людей чувствуютъ, что имъ тяжело, но объяснить причины этого гнета никто не можетъ удовлетворительно. Дряблыя натуришки впадаютъ обыкновенно въ мистицизмъ въ такія эпохи; сильныя натуры или ломятся пополамъ, или дѣлаютъ добрыя и честныя дѣла, которыми потомъ можно похвалиться“.

Въ душѣ Благосвѣтлова свершались постоянные приливы и отливы, т. е. упадокъ и подъемъ духа, смотря по тому, поднимался, или падалъ цензурный барометръ и трудно, или менѣе трудно проходили книжки. Въ концѣ 1866 года, Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: „Насчетъ моего участія въ „Дѣлѣ“ немного успокоились и это дало нѣкоторый отдыхъ журналу; но все еще держатъ его между жизнью и смертью“.

Впослѣдствіи, однако, цензурное вѣдомство совсѣмъ примирилось съ существованіемъ „Дѣла“ и, какъ писалъ мнѣ разъ Благосвѣтловъ (это было уже въ 1871 году) на категорически поставленный вопросъ, будетъ ли терпимо „Дѣло“, Благосвѣтлову дали такой отвѣтъ: „Правительству нуженъ такой органъ, если не для настоящаго времени, то для будущаго; запретить его оно вовсе не желаетъ и не думаетъ, но хочетъ отнять у него то вліяніе, которое оно пріобрѣло. Въ политическомъ отношеніи

„Дѣло“ считается безвреднымъ, въ соціальномъ—неблагонамѣреннымъ, и противъ этого-то и борется цензура“.

Это было сказано Благосвѣтлову во время завѣдыванія цензурой генераломъ Шидловскимъ. Назначеніе Шидловскаго заставило дрогнуть Благосвѣтлова и онъ, было успокоившійся за „Дѣло“, снова заволновался и заметался. При первомъ же слухѣ о назначеніи генерала Шидловскаго, Благосвѣтловъ писалъ мнѣ: „ходятъ зловѣщіе слухи и пресса запугана, если можно только еще больше запугать ее“. И дѣйствительно, энергическій генералъ Шидловскій взялся за печать круто и рѣшительно. Извѣщая меня о назначеніи ген. Шидловскаго, Благосвѣтловъ писалъ: „Шидловскій еще никакъ не высказался, только грозитъ и грозитъ; о немъ говорятъ, какъ о человѣкѣ не глупомъ... По симпатіямъ онъ тянетъ къ „Вѣсти“; совѣтуютъ быть осторожнымъ на первое время, пока не выскажется. Говорятъ, что ему прямо сказано такъ: политика намъ не страшна, но надо соблюсти нравственность... На „Дѣлѣ“, конечно, отзовется больше всего энергія цензуры, но какъ ни слаба моя вѣра въ хорошее, какъ ни усталъ я нравственно, все же есть во мнѣ капля теплой крови и я убѣжденъ, что никакія энергіи не остановятъ жизнь, никакія противорѣчія не прекратятъ даннаго движенія... Одно жалко, что вносится много горя и неудовольствія въ душу нашего мыслящаго меньшинства, разрушается много индивидуальнаго спокойствія. Но развѣ когда-нибудь что-нибудь доброе покупалось дешево?.. Надо какъ нибудь переживать трудное время, пожалуй, въ науку придется уйдти“.

Послѣ личныхъ объясненій редактора „Дѣла“ съ ген. Шидловскимъ, Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: „Если редакція „Дѣла“ дастъ слово избѣгать вопросовъ о бракѣ, о собственности и вопросовъ религіозныхъ, то онъ, Шидловскій, находитъ существованіе журнала возможнымъ. Дѣлать нечего, надо пока идти по тому краешку, который отводятъ“.

Недѣли черезъ двѣ Благосвѣтловъ даже находилъ въ ген. Шидловскомъ хорошія стороны. Онъ писалъ, что это человѣкъ прямой, не чиновникъ, что онъ производитъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе и „Дѣло“ идетъ при немъ лучше. Между тѣмъ, Шидловскій обѣщалъ освободить „Дѣло“ отъ предварительной цензуры. „Вообще не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ“. Это писалъ мнѣ Благосвѣтловъ 16 октября 1870 года, а 6 мая 1871, т. е. черезъ полгода, онъ писалъ, что на „Дѣло“ воздвигнуто новое гоненіе, въ особенности преслѣдуетъ Шидловскій экономическіе воп-

росы. Перечисляя цѣлый рядъ статей, которыя были остановлены или запрещены, Благосвѣтловъ прибавляетъ: „Изъ этого видно, что Шидловскій намѣревается истребить все, что касается экономическаго вопроса; цензура, разумѣется, усердствуетъ изо всѣхъ силъ и потому на время устраните этотъ вопросъ въ вашихъ статьяхъ".

Въ концѣ сентября 1871 г. Благосвѣтловъ пишетъ: „Ужасный мѣсяцъ для „Дѣла"; я буквально шестую ночь не сплю; посылаю одну рукопись за другой въ типографію и все запрещаютъ... Двѣнадцать статей запрещено для одной книжки; хотѣлъ жаловаться въ сенатъ: это небывалое и въ высшей степени несправедливое свирѣпство... Когда выйдетъ девятая книжка, не знаю; какой она будетъ? Дохлой! Чего требуютъ, никакъ не разберешь?.. Если готовите что для десятой книжки, готовьте чисто литературное: это еще пропускаютъ, о малѣйшей перемѣнѣ къ лучшему увѣдомлю васъ... раздраженъ ужасно, зло беретъ на всѣхъ".

Причина строгости объяснялась нечаевскимъ дѣломъ и Благосвѣтловъ рекомендовалъ мнѣ уйдти въ область исторіи и естествознанія, т. е. въ ту норку, въ которую приходилось всегда прятаться, когда нельзя было говорить о современныхъ дѣлахъ. Благосвѣтловъ былъ очень раздраженъ, но особеннымъ образомъ. „Я не опускаю рукъ,—писалъ онъ мнѣ:—скрѣпилъ зубы; я, физически больной, выздоровѣлъ и выросъ. Дѣло идетъ очевидно о томъ, сломится ли наша честная журналистика подъ этимъ ударомъ, или нѣтъ; нѣтъ, значитъ жить ей долго; упадетъ—радость врагамъ ея"...

„Сегодня, въ ночь,—писалъ Благосвѣтловъ 1 октября 1871 г.:—есть надежда вытащить первую книжку; еле дышетъ. Положеніе журнала, конечно, озабочиваетъ васъ и я разъясню вамъ его. Доносъ „Зари" и раздраженіе Шидловскаго сначала заставили насъ думать, что рѣшено задушить „Дѣло"; впродолженіи двухъ недѣль не выдали ни одной статьи: — все запрещалось подъ разными предлогами; этого мало, поставили редакціи непремѣннымъ условіемъ всѣ статьи набирать цѣликомъ. Такъ, если романъ 40 печатныхъ листовъ безъ конца, то нельзя представить начала. Кромѣ того, сдѣлали запросъ, на какомъ основаніи Благосвѣтловъ издаетъ журналъ; все это поставило предо мной вопросъ, не хотятъ ли, избѣгая скандала, выморить „Дѣло". Чтобы разрѣшить вопросъ, Благосвѣтловъ и отправился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ (министръ былъ за границей) и получилъ тотъ успокоительный отвѣтъ, о которомъ я уже сказалъ. Это ли объясненіе, или

другія причины, но цензура внезапно стала легче и Благосвѣтловъ опять ожилъ. Въ особенности его успокоило то, что на главный вопросъ, т. е. допускается ли существованіе „Дѣла“, онъ получилъ прямой отвѣтъ. „Это все, что я желалъ знать,—пишетъ Благосвѣтловъ. — Что же до ихъ давленія, то я ихъ нѣжностями не избалованъ“...

Но въ томъ же письмѣ чувствуется уже и другая нотка; нотка скорбная, болевая. Благосвѣтловъ пишетъ, что отдыхъ нравственный и физическій ему нуженъ, и первый даже болѣе, чѣмъ второй... Впрочемъ, чувство утомленія сказывалось въ немъ, пожалуй, и ранѣе. „Не кончилась ли наша дѣятельность, не измѣняютъ ли наши силы, вѣдь трудно это чувствовать самому... Лучше смерть, чѣмъ упадокъ умственной энергіи и нравственная дряблость; я боюсь представить себя ни на что не годнымъ старикомъ, человѣкомъ лишнимъ среди живыхъ и дѣятельныхъ. А между тѣмъ, пересматривая все пережитое, все передуманное и перечувствованное, становится ясно, что удары и царапины по самымъ чувствительнымъ нервамъ не проходятъ даромъ... Но мнѣ нельзя еще отдыхать, я не могу оставить дѣло, чтобы не испортить его. Но нѣтъ, я вѣрю, что дѣло наше не погибнетъ напрасно. Мы нужны еще и пусть хоть одинъ останется цѣлъ и бодръ въ нашемъ разбитомъ строѣ, то и тогда великая побѣда будетъ выиграна, а выиграть ее надо, иначе весь порохъ и пули потрачены даромъ. Идея безъ результата, идея, оставленная на полъ дорогѣ — мертворожденная идея... Лучше смерть, чѣмъ сонъ“.

Благосвѣтлова никогда не покидала мысль выйдти изъ подъ цензуры. Сначала онъ думалъ, что существованіе „Дѣла“ подъ цензурою будетъ обезпеченнѣе; но когда оказалась масса трудностей, непосильныхъ одному человѣку, Благосвѣтловъ сталъ просить объ освобожденіи „Дѣла“ изъ подъ цензуры—и не разъ просилъ объ этомъ, но ему не разрѣшали. Въ октябрѣ 1868 года онъ мнѣ писалъ, что если бы журналъ могъ дышать такъ, какъ дышалъ лѣтомъ, то можно было бы мириться съ горемъ, но нельзя поручиться ни за одинъ мѣсяцъ и что единственно ради разнообразія и правильнаго выхода книжекъ, нужно бы выйдти изъ подъ цензуры. Въ 1870 году онъ мнѣ опять пишетъ: „Всѣ мои заботы и думы направлены теперь на одну точку:—освободиться отъ предварительной цензуры; въ этомъ:—„быть или не быть“ „Дѣла“; если его не выпустятъ изъ подъ цензуры къ концу года, то оно сдѣлается орудіемъ пытки для всѣхъ работающихъ въ немъ; есть надежда, что его вы-

пустятъ, и эта надежда поддерживаетъ надорванную энергію. Для 3 книжки запрещено 28 листовъ разныхъ статей".

Цензурныя строгости Благосвѣтловъ приписывалъ частью и тому, что онъ называлъ „доносами". Еще по выходѣ первой книжки, графъ Толстой, какъ писалъ мнѣ тогда Благосвѣтловъ, заявилъ, что „Дѣло" есть продолженіе „Русскаго Слова" и, слѣдовательно, журналъ вредный. „Начались передряги, возникло чуть не цѣлое слѣдствіе, осмотрѣли типографію, допытывались, будто бы, чьи рукописи набираются,—писалъ Благосвѣтловъ:—и одно только подаетъ слабую надежду на существованіе „Дѣла", что въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати есть нѣсколько человѣкъ за журналъ, но есть и противъ него". Вы, конечно, можете представить теперь легко, что долженъ былъ переживать этотъ нервный человѣкъ, какія у него должны были быть ночи и дни. Въ особенности тревожно дѣйствовало на Благосвѣтлова неблагопріятное отношеніе къ „Дѣлу" графа Толстого, который запретилъ даже выписывать „Дѣло" въ библіотеки учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пожалуй, не меньше огорчалъ Благосвѣтлова и Катковъ. Онъ нѣсколько разъ указывалъ на „Дѣло" и статья его въ 1870 году особенно встревожила Благосвѣтлова. По поводу ея Благосвѣтловъ писалъ: „Ударъ Каткова прошелъ мимо, благодаря тому, что его ненавидитъ высшая петербургская бюрократія (?). Но ударъ отразился на журналѣ съ другой стороны. Сила доноса Каткова извѣстна многимъ и потому послѣ статьи его многіе считали „Дѣло" похороненнымъ". „На первыхъ порахъ,—пишетъ Благосвѣтловъ:—мы собрались всѣ купѣ (т. е. редакція) и съ грустью стали думать о нашемъ положеніи. Рѣшили немедленно просить объ освобожденіи „Дѣла" отъ предварительной цензуры: умирать, такъ умирать не въ болотѣ". Министръ, къ которому обратился редакторъ, не подалъ ни надежды на выпускъ изъ подъ цензуры, но и не отказалъ прямо. „Это обыкновенная манера генерала Тимашева", прибавляетъ Благосвѣтловъ. Въ особенности огорчила Благосвѣтлова статья Каткова тѣмъ, что, какъ показалось ему, она повліяла на подписку. „Послѣ статьи Каткова съ подпиской на „Дѣло" произошло сильное паденіе фондовъ. Всѣ думали, что черный воронъ каркнулъ надъ готовящимся трупомъ „Дѣла"... Но карканье зловѣщей птицы пронеслось, впечатлѣніе ослабло и подписка снова поддержала журналъ. Съ третьей книжки вдругъ пошло лучше... это поистинѣ удивительно для меня,—замѣчаетъ Благосвѣтловъ:—послѣ того гнета, который выноситъ „Дѣло".

Въ томъ же 70 году Благосвѣтловъ пишетъ: „Туча есть! Графъ Толстой заявилъ, что, пока литература будетъ своевольничать, воспитаніе по классической программѣ не будетъ достигать цѣли". Это обвиненіе печати въ то же время было косвеннымъ обвиненіемъ и цензурнаго вѣдомства и послужило поводомъ къ увольненію „мягкаго" Похвиснева и къ назначенію „энергическаго" Шидловскаго".

Но самымъ труднымъ временемъ для Благосвѣтлова было управленіе М. Н. Лонгинова. При Лонгиновѣ, между прочимъ, состоялось распоряженіе, по которому статьи должны были разрѣшаться безъ всякихъ помарокъ, а, если въ статьѣ оказывалась хотя одна мысль, не удобная для печати, то должна была запрещаться вся статья цѣликомъ. „Вы знаете мое терпѣніе и мою находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ,—писалъ Благосвѣтловъ,—но я опустилъ руки. Все, что можно было сдѣлать со стороны внѣшняго вліянія, мною сдѣлано; еще одинъ путь остался — и я попробую его надняхъ. Если и тутъ не выгоритъ, — пропало „Дѣло"... Чего отъ насъ требуютъ, мы не добьемся, говорятъ одно:—чтобы „Дѣло" не походило на прежнее „Дѣло". Что значитъ это? Какъ это сдѣлать? Ничего не объясняютъ и никакого указанія не даютъ. Конечно, можно было бы пережить кое-какъ мѣсяца два или три, давая безцвѣтныя книжки, кое-какіе сборники статей, не имѣющихъ ни направленія, ни единства идей, но ничего не хотятъ говорить, тѣмъ менѣе помочь. Есть люди и въ цензурѣ за насъ, но Лонгиновъ не изъ тѣхъ, которые слушаютъ".

Благосвѣтловъ писалъ мнѣ, что будто бы Лонгиновъ сказалъ, что февральскую книжку „Дѣла" выпуститъ въ ноябрѣ. Если это было и не совсѣмъ такъ, то во всякомъ случаѣ „Дѣлу" пришлось переживать очень трудное время и въ каждомъ письмѣ Благосвѣтловъ жалуется на невыносимую трудность его положенія. Опять онъ указываетъ, какихъ вопросовъ касаться, какихъ не касаться, проситъ не писать объ артеляхъ, о женскомъ вопросѣ, совѣтуетъ напустить учености, серьезнѣйшаго тона. Въ одномъ письмѣ даже проситъ придать „Внутреннему обозрѣнію" чисто спеціальный характеръ и писать о промышленности, земледѣліи, объ акціонерныхъ компаніяхъ и т. д. „Ухъ, какъ опротивѣло все,—пишетъ Благосвѣтловъ: — только у насъ и можетъ быть до такой степени омерзительно, что боишься за себя и за другихъ". Даже изъ Парижа, куда лѣтомъ 1874 года ѣздилъ Благосвѣтловъ, онъ пишетъ все о томъ же и высказываетъ свои боязни за судьбу „Дѣла".

И этотъ девятый валъ отхлынулъ, какъ и другіе, и „Дѣлу“ опять стало легче. Насколько измучился Благосвѣтловъ и опустились у него руки, можно видѣть изъ того, что онъ хотѣлъ продать журналъ. Но продать „Дѣло“, т. е. разстаться съ своимъ дѣтищемъ, было для Благосвѣтлова выше силъ. Охотники, конечно, нашлись, нѣкоторыя лица даже вступили съ Благосвѣтловымъ въ переговоры и, разумѣется, эти переговоры не приводили ни къ чему. Правда, послѣ М. Н. Лонгинова стало настолько легче, что Благосвѣтловъ пробовалъ даже просить оффиціальнаго признанія его редакторомъ и ему это обѣщали, хотя и не разрѣшали. При Н. С. Абазѣ Благосвѣтловъ попытался еще разъ просить объ освобожденіи изъ-подъ цензуры, но получилъ рѣшительный отказъ.

О Благосвѣтловѣ, какъ о редакторѣ, ходило много не совсѣмъ точныхъ мнѣній. Разсказывали, напр., о его, будто бы, безцеремонномъ обращеніи со статьями. Дѣйствительно, онъ дѣлалъ иногда въ статьи вставки и не всѣ изъ подобныхъ вставокъ можно оправдать, но иногда, а можетъ быть и въ большинствѣ случаевъ, вставки дѣлались, чтобы смягчить статью и легче провести ее черезъ цензуру; дѣлались измѣненія, чтобы сдѣлать статью „читабельнѣе“, или уничтожить противорѣчія, нѣкоторыя вставки дѣлались даже по желанію цензоровъ. Бывали случаи, когда Благосвѣтловъ высылалъ мнѣ цензорскія корректуры для того, чтобы я могъ сообразить, что не допускается цензурой, и вмѣстѣ съ цензорской корректурой присылалъ еще оттиски, чтобъ исправить и выгладить статью, соображаясь съ цензорскими исключеніями. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ самъ что-нибудь вносилъ въ корректуру, онъ обыкновенно сообщалъ мнѣ объ этомъ и изъ всѣхъ случаевъ я только помню одинъ, когда онъ приставилъ къ моей статьѣ „голову“ и съ этой приставкой я настолько не согласился, что у насъ возникла „спеціальная“ переписка.

Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы не были на лицо, или поправки дѣлались ничтожныя, или же являлись статьи недостаточно опытныхъ писателей, Благосвѣтловъ распоряжался болѣе рѣшительно, и пользовался довольно смѣло своей редакторскою властью; но онъ это дѣлалъ по принципу, дѣлалъ потому, что смотрѣлъ очень серьезно на редакторскую обязанность. Благосвѣтловъ постоянно говорилъ, что нельзя же русскому журналу, издаваемому для русскихъ читателей, давать статьи, написанныя тарабарскимъ языкомъ. Благосвѣтловъ требовалъ отъ статей литературнаго изложенія и въ этомъ, конечно, онъ былъ правъ; его ужасно

сердила неграмотность нашихъ писателей. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно вспоминалъ Писарева, этого дѣйствительнаго мастера блестящаго и увлекательнаго изложенія. Замѣчу отъ себя, что очень немногіе изъ писателей, даже старые и опытные, пишутъ такъ, чтобъ не требовались поправки. Что же касается до писателей молодыхъ, то на изложеніе они уже давно не обращаютъ вниманія. Стилистика, какъ искусство формы, теперь все болѣе и болѣе изчезаетъ. О новыхъ публицистахъ въ большинствѣ случаевъ можно сказать тоже, что говорилъ Благосвѣтловъ о Щаповѣ: „это честный человѣкъ, но недаровитый, и пишетъ, точно медвѣдь сучья ломаетъ".

„Я думаю,—пишетъ мнѣ въ другой разъ Благосвѣтловъ:—что вы иронически улыбнулись, когда я въ одномъ письмѣ сказалъ, что критику нашихъ беллетристовъ нужно даже извѣстное художество. Это сущая правда. Когда вы хотите похоронить извѣстную партію, вы сражаетесь съ ней ея же оружіемъ. Вы берете отъ нея лучшее и раскрываете ея худшее. Это законъ всѣхъ нравственныхъ великихъ побѣдъ. Отчего наши молодые беллетристы плохи и читаются мало? Оттого, что они вообразили, что романъ можно писать, какъ канцелярскую бумагу, какъ критическую статью, какъ опись бѣлья, отдаваемаго прачкѣ. Будь они художники, подобно Тургеневу, ихъ идеи давно-бы прошли въ публику и похоронили бы Тургенева. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ. И пока молодое поколѣніе будетъ пачкать свои идеи и не возьметъ у писателей 40-хъ годовъ ихъ изящной формы, ихъ образности, ихъ мастерства литературнаго, которое чувствовалъ только одинъ Писаревъ, новыя идеи будутъ влачить свое существованіе плачевнымъ образомъ. Ихъ будутъ уважать, но не будутъ читать. Писаревъ весь состоялъ изъ чужихъ идей, но онъ выражалъ ихъ такъ, что онѣ казались и часто были его идеями, его произведеніемъ".

По поводу авторской обидчивости Благосвѣтловъ писалъ: „И сколько хлопотъ съ этимъ филистерствомъ для редакціи; если вы у одного сократили слово *ибо*,—онъ оретъ, что его исказили, если вы сгладили противорѣчіе у другаго,—онъ оретъ, что вы лишили его ученой невинности, и вотъ вамъ легіоны глупыхъ враговъ, съ глупымъ самолюбіемъ и пустыми амбиціями. Извольте все это соглашать, ѣздить отъ одного къ другому, упрашивать и дурака, и умнаго въ одинъ день, въ одинъ часъ". Благосвѣтловъ говорилъ, что на его исправленія обижаются только дураки и въ тоже время они бываютъ очень рады, когда статья ихъ является въ публику въ чистомъ, умытомъ видѣ. У Благосвѣтлова было такое недовѣріе къ

грамотности нашихъ писателей, что онъ бывалъ даже недоволенъ, если соредакторы приносили къ нему рукописи безъ поправокъ; непоправленную рукопись онъ всегда перечитывалъ въ корректурѣ.

Благосвѣтловъ ужасно много работалъ. „Вѣдь я черный работникъ,—писалъ онъ мнѣ,—мнѣ дорога каждая минута и каждая минута у меня занята; я одинъ вездѣ и во всемъ, я читаю и корректуры и рукописи, я исправляю ихъ, я отвѣчаю даже на письма по конторѣ, я веду переговоры съ сотрудниками, адресующимися въ редакцію каждый день, я считаю и разсылаю, я самъ часто работаю въ типографіи и, просиживая до 6 часовъ утра, а вставая въ 10, я все еще не успѣваю всего сдѣлать". Конечно, онъ могъ бы работать меньше, если бы больше довѣрялъ людямъ; но этого-то въ немъ и не было.

Въ одной изъ моихъ статей вмѣсто словъ: „когда Австрію побѣдили подъ Садовой" набрали: „когда Австрія побѣдила подъ Садовой". Ошибка, конечно, не особенно важная, чтобъ о ней стоило разговаривать, но тѣмъ не менѣе Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: — „вотъ что значитъ быть больнымъ, когда приходится везти въ корню. На испанскій престолъ легче было найти короля, чѣмъ у насъ хорошаго корректора, оттого то въ число обязанностей всѣхъ редакторовъ входитъ самая пріятная обязанность,—часовъ 40 въ мѣсяцъ отдавать чтенію подписныхъ листовъ".

Литературныя отношенія очень томили и утомляли Благосвѣтлова. И дѣйствительно, ни отъ чего не устаешь такъ, какъ отъ людей, а Благосвѣтлову, при его воспріимчивой и нервной натурѣ, люди были особенно тяжелы. По поводу одного вопроса, который я ему сдѣлалъ, онъ мнѣ писалъ: „Вѣдь эти нюни и ихъ неискренность опротивѣли мнѣ до омерзѣнія, до величайшей боли. Повѣрите-ли, что приходится говорить одно, а думать другое,— до того все измельчало, все изолгалось. Вы, конечно, не забыли той низкой сцены, которую разыгралъ N... Вѣдь я увѣренъ, что эта свинья за 100 руб. настрочитъ какую угодно филиппику желѣзнодорожному тузу, а вѣдь эта свинья не одна въ нашемъ околодкѣ. Ихъ надо пронимать каленымъ желѣзомъ. — Странно сказать, но я при всѣхъ моихъ недостаткахъ имѣлъ одно достоинство — говорить откровенно и не щадить глупостей, а теперь начинаю бояться, начинаю молчать и лицемѣрить тамъ, гдѣ прежде просто ругался. Это вліяніе той гнили, которая незамѣтно въѣдается отъ этихъ нюней". Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Я понимаю смыслъ людей партіи только въ сферѣ интересовъ крупныхъ

и вовсе не понимаю мелкихъ женскихъ и дѣтскихъ симпатій ради того, что Ивану хочется слышать похвалу отъ Петра, а Петру отъ Ивана. Чего стоитъ, то и надо говорить". Это правило стоило Благосвѣтлову того, что многіе изъ сотрудниковъ, особенно беллетристы, оставили „Дѣло".

Какъ журналистъ, Благосвѣтловъ имѣлъ многія, неоцѣненныя достоинства, и онъ отлично понималъ, чѣмъ обезпечивается успѣхъ изданія. „Положимъ,—писалъ онъ мнѣ:—что мы выиграемъ въ солидности фактовъ, въ основательности мнѣній, если поручимъ Костомарову разбирать исторію Соловьева, Пыпину—Домострой, Кавелину—гражданскіе законы, Прыжову—оружіе Грановитой палаты; но чортъ-ли въ этой солидности? Вѣдь это будетъ концертъ изъ кострюль, сковородъ, ухватовъ и кухонной посуды, это будетъ ученая окрошка, приготовленная на филистерскомъ бульонѣ, это будетъ то, что противно моей душѣ и головѣ хуже всякаго рвотнаго".

И Благосвѣтловъ очень послѣдовательно примѣнялъ это воззрѣніе, послѣдовательно до того, что создалъ себѣ репутацію человѣка, не умѣющаго ладить съ людьми. По поводу тургеневскаго „Дыма" онъ мнѣ писалъ: „Разъ сдѣланная пакость не должна искупаться прошлымъ; историческое безпристрастіе въ дѣлѣ защиты извѣстныхъ идей никуда не годится. Исторіей можно оправдать всякаго пакостника и обстоятельствами можно извинить всякаго К., но эта христіанская мѣрка при настоящемъ положеніи русской литературы повела бы къ примиренію со всѣми доносчиками и дураками... У Тургенева нельзя отнять ни чуткости, ни отказать ему въ уваженіи къ литературѣ и, однакожъ, онъ пошелъ въ ряды пошляковъ, чтобъ вредить людямъ честнымъ. Такъ ли поступаютъ искренніе писатели, поддерживалъ-ли Бѣлинскій Погодина, или Ч. К.—На такихъ людяхъ, какъ Л. Толстой или Тургеневъ, надо критикѣ давать самые назидательные уроки другимъ, виляющимъ, чтобы не было повадно. Безъ этого никогда литература не выйдетъ изъ своего казеннаго стойла, гдѣ всякій хожалый можетъ пріобрѣтать себѣ славу честнаго, русскаго писателя".

У Благосвѣтлова былъ тонкій, проницательный, критическій взглядъ и онъ рѣдко ошибался въ свойствахъ и особенностяхъ таланта вообще, а новыхъ сотрудниковъ въ особенности. Я могъ бы привести много примѣровъ его критической безошибочности, но мнѣ пришлось бы говорить о живыхъ людяхъ: Благосвѣтловъ же мягко выражаться не умѣлъ. Приведу одинъ его отзывъ, имѣющій болѣе общій характеръ. „Вообще я рекомендовалъ бы Б. въ

интересахъ его работъ и журнала не горячиться. Въ этомъ вся бѣда нашей пишущей братіи. Идею цензура не трогаетъ, но лирическіе знаки восклицаній ужасно урѣзываетъ. Посовѣтуйте ему и направьте его на путь истинный. Беллетристика ему рѣшительно не везетъ и онъ взялся не за свое дѣло. У насъ обыкновенно думаютъ, что если человѣкъ ни на что неспособенъ, то онъ способенъ писать повѣсти и романы. Это ошибочно. Беллетристу—хорошему беллетристу, надо быть не только мыслящимъ человѣкомъ, но и знатокомъ человѣческаго сердца и, ужь простите за рутину!—художникомъ въ технической отдѣлкѣ своихъ идей и образовъ. А у Б. ни того, ни другаго нѣтъ. Поэтому напрасно онъ бросаетъ свои умственныя сокровища на каменистую почву".

Придавая особенное значеніе критическому отдѣлу, Благосвѣтловъ говорилъ, что критика—хлѣбъ насущный для нашихъ читателей, какъ они ни увлечены, повидимому, фельетономъ. „Если для англичанина или француза нѣтъ литературы безъ политики, то для насъ сиволапыхъ нѣтъ литературы безъ критики". Понятно поэтому, что Благосвѣтловъ не могъ забыть утраты Писарева, и первое время думалъ распредѣлить критическій отдѣлъ между нѣсколькими сотрудниками. Вполнѣ этого ему, однако, не удалось по той простой причинѣ, что наша критическая мысль ушла въ другую сторону—и Писаревъ остался незамѣненнымъ.

Въ послѣднее время Благосвѣтловъ начиналъ понимать, что „Дѣло", въ его прежнемъ видѣ, оставаться не можетъ. Еще въ концѣ 1875 года онъ мнѣ писалъ: „Не знаю, удастся ли мнѣ выполнить свой планъ, но я попытаюсь на будущій годъ сократить беллетристическій отдѣлъ и дать серьезному отдѣлу больше простора, а то мы ни рыба, ни мясо... Хотѣлось бы обновиться хоть немного, а то начинаю чувствовать, что между любимой моей дѣятельностью и мною ничего *нравственнаго* нѣтъ. И грустно, и гадко... а впрочемъ, все зависитъ отъ Бога и отъ цензуры".

Но усталость и разстроенное здоровье брали свое; къ этому присоединились еще мелочи тѣхъ раздражающихъ и разъединяющихъ личныхъ отношеній къ сотрудникамъ и къ соредакторамъ, устранить которыхъ Благосвѣтловъ не столько не желалъ, сколько не могъ по своему личному характеру. Все это начинало отражаться на „Дѣлѣ" и обновленіе журнала, необходимость котораго Благосвѣтловъ такъ чувствовалъ, совершить ему не удалось. Смерть уже стучалась въ его дверь.

Не смотря на желѣзное сложеніе, Благосвѣтловъ очень скоро

разрушилъ свое здоровье. Едва ли былъ другой человѣкъ, который бы бралъ все такъ близко и глубоко. Благосвѣтловъ переживалъ все вчетверо сильнѣе, чѣмъ другіе, и вчетверо перегоралъ скорѣе. Нѣсколько поддерживали его поѣздки за границу, которыя онъ предпринималъ почти каждое лѣто. Но смертельная болѣзнь давно уже разъѣдала этотъ желѣзный организмъ и спасти его не могли даже лучшіе врачи Вѣны, Берлина и Гейдельберга. Можетъ быть, Благосвѣтловъ умеръ бы не такъ рано, еслибъ оставилъ „Дѣло", но это-то и было невозможно: кто разъ вступилъ на журнальный путь, тотъ съ него уже не сойдетъ. Сколько разъ Благосвѣтловъ хотѣлъ бросить „Дѣло", хотѣлъ даже продать журналъ,— и не бросилъ и не продалъ. „Я завтра готовъ бросить это поприще, гдѣ за мѣдный грошъ всякій негодяй можетъ осыпать грязью; я брошу его съ чувствомъ величайшаго удовольствія, потому, что и силы падаютъ и нравственныя связи, одна за другой, обрываются". Это писалъ мнѣ Благосвѣтловъ въ февралѣ 1869 года. Послѣ этого прошло еще одиннадцать лѣтъ—и силъ у Благосвѣтлова стало меньше, и порванныхъ связей прибавилось, и умственное и нравственное одиночество становилось все тяжелѣе и томительнѣе; но Благосвѣтловъ уже не говорилъ, что „бросить это поприще, гдѣ за мѣдный грошъ всякій негодяй можетъ осыпать грязью", точно, чѣмъ больше уходило силъ, чѣмъ меньше сохранялось связей, тѣмъ дороже становилась жизнь. И все крѣпче привязывался этотъ разбитый, больной, почти всѣми покинутый человѣкъ къ „Дѣлу", съ которымъ были связаны его лучшія надежды, самыя свѣтлыя воспоминанія и лучшія нравственныя связи съ лучшими людьми былаго времени.

Благосвѣтловъ былъ крайнимъ западникомъ. Свое умственное развитіе онъ получилъ въ Англіи и во Франціи, куда уѣхалъ сейчасъ-же послѣ увольненія его изъ учебнаго вѣдомства. Въ Англіи поразила его сила общественнаго мнѣнія и вліяніе его на правительственныя сферы, во Франціи—весь складъ политической жизни, кипучій политическій темпераментъ народа, громадный запасъ силъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ. Англія производила на Благосвѣтлова больше головное впечатлѣніе, Францію-же онъ любилъ сердцемъ и къ ней склонялись всѣ его симпатіи. Когда нѣмцы свершили нашествіе на Францію, Благосвѣтловъ принималъ несчастіе Франціи также близко къ сердцу, какъ если-бы нѣмцы свершили нашествіе на его собственное отечество. Но онъ страдалъ особеннымъ образомъ, да и радовался тоже особенно. Онъ

болѣлъ за раззореніе, которое выноситъ Франція, за страшное истребленіе лучшихъ силъ страны, погибавшихъ на поляхъ Гравелотта, и въ то же время радовался, что Франція несетъ наказаніе за наполеоновскій режимъ, который она у себя допустила. Благосвѣтловъ предвидѣлъ исходъ борьбы и радовался не меньше настоящаго француза перемѣнѣ правительства. И все это понятно. Слушая лекціи въ Сорбоннѣ, живя въ Латинскомъ кварталѣ, Благосвѣтловъ жилъ впервые живыми ощущеніями общественныхъ интересовъ, а это чувство не умираетъ. Зато, какъ онъ и радовался, когда Франція вышла изъ борьбы съ нѣмцами побѣдительницей въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1874 года онъ мнѣ писалъ изъ Парижа: „Какъ стыдно стало мнѣ, когда я всмотрѣлся въ Парижъ поближе. Какое право мы, сѣрые мужики, имѣемъ относиться свысока къ Франціи? Какъ ни безобразно ея настоящее правительство, но все-же эта нація— великая нація. Генія ея не отняла прусская сволочь. Ея раны не только затянулись, исчезли, но, что всего замѣчательнѣе,—я нашелъ Парижъ лучше и великолѣпнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. В. Гюго правъ: онъ неуязвимъ, онъ безсмертенъ. Столько жизни, столько ума и столько блеска, что невольно удивляешься, откуда все это берется. Повидимому, труда не видно, а онъ кипитъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Вчера я былъ въ Сорбоннѣ на раздачѣ призовъ студентамъ лицея. Надо было видѣть, какъ все было обставлено изящно, умно и блистательно. Тысячъ до 6 посторонней публики, да на дворѣ ожидало тысячъ до двухъ. Въ виду этой толпы, въ виду огромной трибуны, наполненной журналистами, которые сегодня сообщатъ, кто получитъ призъ, пріятно явиться хорошему студенту. Есть и Толстые здѣсь, пожалуй еще похуже,—но общественное мнѣніе не съ ними. Кажется, это поколѣніе, эти умные юноши, поправятъ дѣло своихъ отцовъ. Прусскій ударъ для Франціи былъ тѣмъ-же, чѣмъ севастопольскій — для насъ, съ той разницей, что мы не спимъ только тогда, когда намъ больно; боль прекратилась и мы опять заснули. Французскіе нервы другого сорта“.

Франціи обязанъ Благосвѣтловъ первымъ пробужденіемъ въ немъ общественныхъ чувствъ и ей-же онъ обязанъ своимъ политическимъ сознаніемъ. Понятно, что страна эта была для него дорогою. Политическимъ девизомъ Благосвѣтлова было — свободный человѣкъ въ свободномъ государствѣ. Это его исходная точка, какъ человѣка, какъ писателя и какъ редактора. Въ Благосвѣт-

ловѣ никогда не было умственной узости. Отъ этого „Русское Слово“ и „Дѣло“ давали всегда большой просторъ личнымъ мнѣніямъ, не исключая даже парадоксальныхъ. Подобный-же просторъ мысли давалъ и „Современникъ“, органъ крайне западный по направленію въ смыслѣ того-же политическаго принципа, котораго держался и Благосвѣтловъ. Послѣдующее народническое и патріотическое направленіе, явившееся въ русской журналистикѣ, очень съузило горизонтъ мысли; оно понизило умственное требованіе до того, что прежнимъ идеаламъ уже не оказывалось мѣста и русское общественное сознаніе отъ этого очень много проиграло. Какъ реакція этому временному уклоненію, должно необходимо явиться вновь тяготѣніе къ умственнымъ интересамъ Европы, ибо всякое замыканіе въ самихъ себя насъ подвигало не впередъ, а назадъ. Благосвѣтловъ отлично понималъ это. Въ 1877 году онъ мнѣ писалъ изъ Гамбурга: „Только нужно нѣсколько верстъ отъѣхать отъ нашей границы, чтобы видѣть, въ какой безъисходной лужѣ мы купаемся. Да, каждый шагъ европейскаго развитія отодвигаетъ насъ назадъ на такой-же шагъ, потому что мы стоимъ, а тутъ идутъ. Этого мало, что мы потеряли свои главные рынки въ Европѣ. Мы потеряемъ всякое экономическое значеніе для нея и будемъ той шестой частью свѣта Краевскаго, которая ни Европа, ни Азія. О, еслибы... патріотизмъ Сувориныхъ направился въ эту сторону, какъ-бы онъ былъ полезенъ намъ... Отчего всякое территоріальное пріобрѣтеніе дѣлается для насъ въ тягость, ложится новой обузой на нашъ бѣдный бюджетъ. Оттого, что мы не умѣемъ справиться и съ тѣмъ, что пріобрѣлъ намъ Рюрикъ; оттого, что наши культурныя силы равняются нулю, оттого, наконецъ, что фатальная сила претъ насъ въ разныя стороны, отвлекая наше вниманіе и силы отъ внутренняго развитія“.

И вотъ этому-то внутреннему развитію и пробужденію общественнаго сознанія Благосвѣтловъ служилъ и хотѣлъ служить какъ редакторъ и какъ писатель. Человѣкъ по преимуществу политическій, онъ по своимъ симпатіямъ, по умственному складу и по образованію держался преимущественно политической почвы и, какъ я уже сказалъ, въ первое время своего редакторства въ „Русскомъ Словѣ“ хотѣлъ дать журналу преимущественно политическое направленіе. Но такое направленіе подъ напоромъ экономическихъ вопросовъ, конечно, не могло удержаться.

Трудно гадать, какая роль въ жизни выпала бы на долю Благосвѣтлова, если бы случайность не играла въ его жизни такой ро-

ковой роли. Кончивъ университетъ, онъ посвящаетъ себя воспитательной дѣятельности, но въ самомъ началѣ ея случай становится ему поперегъ и онъ уѣзжаетъ заграницу докончить свое образованіе. Тамъ, такой же случай сближаетъ его съ графомъ Кушелевымъ. Новый случай заставляетъ графа Кушелева отказаться отъ издательства „Русскаго Слова“ и Кушелевъ передаетъ журналъ и типографію Благосвѣтлову. Такимъ образомъ, простое сцѣпленіе обстоятельствъ превращаетъ Благосвѣтлова изъ преподавателя русской словесности въ редактора-издателя. Не столько мыслитель, сколько человѣкъ сильнаго, упорнаго характера, Благосвѣтловъ направляетъ теперь всю свою энергію на редакторскую и издательскую дѣятельность.

Нужно, однако, думать, что, если бы первый случай не заставилъ Благосвѣтлова оставить каѳедру, онъ могъ бы сдѣлаться очень хорошимъ профессоромъ. Благосвѣтловъ говорилъ гораздо лучше, чѣмъ писалъ, и въ его энергической, образной и цвѣтистой рѣчи съ оттѣнкомъ ироніи чувствовалась обаятельная, а подчасъ и неотразимая сила. Этими обстоятельствами, конечно, и слѣдуетъ объяснить, что Благосвѣтловъ не составилъ себѣ имени, какъ писатель.

Первые его литературные труды имѣли преимущественно историко-литературный и частью критическій характеръ, въ нихъ чувствуется не журналистъ, а словесникъ. Такими статьями его были „Историческій очеркъ русскаго прозаическаго романа“, напечатанный въ 1856 году въ „Сынѣ Отечества“ и „Взглядъ на русскую критику“, напечатанный въ томъ же году въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Затѣмъ въ 1857 году онъ напечаталъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“: „Современное направленіе русской литературы“, „Иринархъ Ивановичъ Введенскій“, „Часы моего досуга“ и въ 1858 году „Послѣдняя комедія Эмиля Ожье“. Въ „Русскомъ Словѣ“ онъ выступилъ въ 1859 году статьею „Значеніе парижскаго университета“ и затѣмъ вся его дѣятельность принадлежитъ „Русскому Слову“ и „Дѣлу“. Въ теченіи ровно десяти лѣтъ Благосвѣтловъ работалъ для редактируемыхъ имъ журналовъ, какъ всякій другой постоянный сотрудникъ. За это время онъ написалъ болѣе пятидесяти статей по всевозможнымъ вопросамъ, большею частью по поводу вновь выходившихъ книгъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Большая часть этихъ статей и вошла въ настоящій томъ.

Съ 1870 года литературная дѣятельность Благосвѣтлова начинаетъ упадать и за эти десять лѣтъ онъ написалъ только четы-

надцать статей и изъ нихъ лишь одна большая: о женскомъ трудѣ. Остальныя—или библіографическія, или полемическія.

Благосвѣтловъ писалъ и стихи. Такъ, въ 1864 году былъ напечатанъ въ „Русскомъ Словѣ" переводъ его изъ Леопарди „На развалинахъ Помпеи" и изъ Томаса Мура „Послѣдній поцѣлуй".

Послѣдней статьей его была статья „Романистъ, попавшій не въ свои сани", (въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ), напечатанная въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла" 1880 г., а 7 ноября того же года Благосвѣтлова уже не стало.

Н. Шелгуновъ.

